

конструирует историю второго и третьего томов «Мертвых душ», которая, в особенности в последнее время, породила множество мифологем. А между тем история эта имеет и свою вполне позитивистскую и исторически вычленимую основу.³

То, как вдумчивый комментарий ко всего лишь одному гоголевскому слову (*милиция*) не только может пролить свет на историческую приуроченность повестей «Миргорода», но еще и свидетельствует о пророчестве Гоголя, латентно присутствующем в тексте соответствующих повестей, показывает статья-заметка нашего украинского коллеги В. Я. Звизняцкого.

Завершает гоголевский блок статья А. М. Грачевой, посвященная одному из наиболее ярких толкователей Гоголя XX века — А. М. Ремизову. Монографический характер этой статьи, вводящей в научный оборот немалое количество архивных материалов и суммирующей разные этапы исследовательского, художественного, наконец, мистического постижения Гоголя Ремизовым, символически связует век *нынешний* (учитывая наше сильно запоздавшее постижение ремизовского наследия) и век *минувший*, превращая Гоголя, этого «застрявшего между двумя кругами мистического универсума» «полудемона» — в писателя, неохотно и медленно, но все же открывающего читателям тайны своих «озарений».

© Е. Е. Дмитриева

³ Том восьмой Полного собрания сочинений и писем Гоголя, в котором опубликованы сохранившиеся главы сожженного второго тома поэмы, вышел в свет в 2020 году (см.: *Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. М., 2009. Т. 8. Мертвые души. Том второй / Отв. ред. Е. Е. Дмитриева; подг. текстов и комм. Н. Л. Виноградской, Е. Е. Дмитриевой, Ю. В. Манна, А. С. Шолоховой*).

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-4-17-29

© Н. Л. ВИНОГРАДСКАЯ

ГОГОЛЕВСКИЙ «ПРОЕКТ УЧЕНОЙ КРИТИКИ» (ИЗ КОММЕНТАРИЯ К ПИСЬМУ Н. В. ГОГОЛЯ А. С. ПУШКИНУ ОТ 21 АВГУСТА 1831 ГОДА)

Письмо Гоголя Пушкину от 21 августа 1831 года не раз привлекало внимание исследователей,¹ однако оно все еще ставит перед комментатором немало вопросов, связанных с обстоятельствами литературной жизни конца 1820-х — начала 1830-х годов. Между тем это письмо, не имеющее аналогов в эпистолярном наследии Гоголя, примечательно во многих отношениях. Прежде всего, оно было написано под непосредственным впечатлением летних царскосельских встреч с Пушкиным и Жуковским.² Недаром в первых же

¹ См., например: *Золотусский И. П.* Гоголь. М., 1979. С. 123–124; *Акимова Н. Н.* Булгарин и Гоголь (Массовое и элитарное в русской литературе: проблема автора и читателя) // *Русская литература.* 1996. № 2. С. 15; *Манн Ю. В.* Гоголь. Труды и дни: 1809–1845. М., 2004. С. 225–228.

² См. письмо Гоголя А. С. Данилевскому от 2 ноября 1831 года: «Почти каждый вечер собирались мы: Жуковский, Пушкин и я» (*Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. [Б. м.], 1940. Т. 10. С. 214; далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы*).

его строчках Гоголь признается: «Но и теперь еще половиною, что я половиною? целыми тремя четвертями, нахожусь в Павловске и Царском Селе» (10, 202). Проведенное там время, насыщенное литературным общением,³ и сама личность Пушкина сыграли исключительную роль в гоголевской писательской биографии.

Содержание письма убеждает: Гоголь стремился соответствовать ожиданиям и интересам своего адресата. Показателен в этом отношении рассказ о смехе типографских рабочих, набравших первую книгу «Вечеров на хуторе близ Диканьки»: «Только что я просунулся в двери, наборщики, завидя меня, давай каждый фиркать и прыскать себе в руку, отворотившись к стенке. Это меня несколько удивило. Я к фактору, и он после некоторых ловких уклонений наконец сказал, что: *штучки, которые изволили прислать из Павловска для печатания, оченно до чрезвычайности забавны и наборщикам принесли большую забаву*. Из этого я заключил, что я писатель совершенно во вкусе черни» (10, 203).

Еще в мае 1831 года Гоголь известил гимназического товарища А. С. Данилевского, что первая часть «Вечеров...» «вряд ли выйдет летом, потому что наборщик «пьет запоем» (10, 199). В письме Пушкину от 21 августа, которому посвящена настоящая статья, он снова упомянул о наборщиках — на этот раз как о «первых читателях» повестей.⁴ В ответном письме от 25 августа 1831 года Пушкин поздравил Гоголя с его «торжеством», «фырканием наборщиков»,⁵ и воспроизвел гоголевский рассказ в рецензии на «Вечера...», заключив ее словами: «*Мольер и Фильдинг, вероятно, были бы рады рассмешить своих наборщиков. Поздравляю публику с истинно веселою книгою...*».⁶

Таким образом, наборщики стали «действующими лицами» истории издания сборника, а рассказ о них предвосхитил читательские и критические отклики на «Вечера...».⁷ Иногда этот сюжет трактуется как возможная гоголевская выдумка,⁸ мистификация, «анекдот-презентация» первой части малороссийских повестей.⁹ Предполагается, что благодаря Пушкину он обрел «статус действительного события» и, более того, закрепил за «Вечерами...» представление о «веселом», «игривом», «искреннем» начале.¹⁰ По наблюдению В. Э. Вацура, сам Гоголь и позднее в общении с Пушкиным не раз «ставил акцент на этой стороне своего дарования» и считал, что «Пушкин, всегда смеявшийся при его чтениях, был вообще „охотник до смеха“».¹¹ При этом «немногие подлинные отзывы» Пушкина в немалой мере соответствуют подобному мнению о писательском даре Гоголя: в них «выдвигается на первое место как раз его веселость и остроумие».¹²

Однако значение гоголевского рассказа о наборщиках этим не исчерпывается. Завершающая фраза («Из этого я заключил, что я писатель совершенно во вкусе черни») и следующий далее пассаж («Кстати о черни, знаете ли,

³ См. подробнее: Манн Ю. В. Гоголь. Труды и дни. С. 220–231.

⁴ Акимова Н. Н. Булгарин и Гоголь. С. 15.

⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. М.; Л., 1941. Т. 14. С. 215.

⁶ Отзыв Пушкина приведен в заметке: Якубович Л. [Рец. на:] Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. Первая книжка. С. П. Б. 1831 // Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1831. 3 окт. № 79. С. 623.

⁷ См.: Акимова Н. Н. Булгарин и Гоголь. С. 15.

⁸ Набоков В. В. Николай Гоголь. 1809–1852 // Набоков В. В. Лекции по русской литературе. М., 1996. С. 52.

⁹ Киченко А. Молодой Гоголь: поэтика романтической прозы. Нежин, 2007. С. 59.

¹⁰ Там же.

¹¹ Вацура В. Э. Записки комментатора. СПб., 1994. С. 321.

¹² Гиппиус В. В. Литературное общение Гоголя с Пушкиным // Учен. зап. Пермского гос. ун-та. Олд. общественных наук. Пермь, 1931. Вып. 2. С. 87.

что вряд ли кто умеет лучше с нею изъясняться, как наш общий друг Александр Анфимович Орлов» и т. д.) вводили его в русло обсуждения проблемы народности и критики Пушкиным Булгарина.¹³ «...контекст письма, с неоднократно употребленным пушкинским „чернь“, отсылал к ситуации полемики „литературных аристократов“ и „торговой словесности“ и свидетельствовал о своеобразном соперничестве в борьбе за публику, стремлении вырвать ее из-под влияния Булгарина».¹⁴ В лице Гоголя «пушкинская партия» получала писателя, способного, в противовес Булгарину, завоевать массового читателя «настоящей веселостью»,¹⁵ не исключаяющей «высокой литературности».¹⁶

Еще одна особенность письма состоит в том, что на его страницах Гоголь впервые обращается к злободневным темам литературной борьбы и проявляет неожиданную для начинающего сочинителя осведомленность обо всех ее перипетиях; более того, он впервые обозначает собственную позицию в литературно-критических баталиях и находит такую форму ее выражения, которая позволяет в полной мере раскрыться комической стороне его таланта. При этом, как представляется, его послание ориентировано на единственного читателя — Пушкина. В самом деле, Гоголь в письме развивает идеи, темы и стилистику пушкинского антибулгаринского памфлета «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов».¹⁷ Этот памфлет стал откликом на заметку Н. И. Греча,¹⁸ в которой автор защищал Ф. В. Булгарина от нападков Н. И. Надеждина, посмеявшегося поставить знаменитого создателя «Ивана Выжигина» в один ряд с лубочным беллетристом А. А. Орловым.

Александр Анфимович Орлов (1790 или 1791 — 1840) — московский литератор, сын пономаря; воспитывался в семье деда — сельского священника, учился в семинарии Троице-Сергиевой лавры.¹⁹ С 1830 года Орлов публиковал правописательные и сатирические повести — тонкие книжечки небольшого формата, по выражению Гоголя — «романы пяти- и четырехрублевые» (8, 200). Успеху этих сочинений у простого читателя способствовали их доступность, занимательность и разговорный язык, «пересыпанный поговорками и прибаутками».²⁰ Критика, как правило, отзывалась о произведениях Орлова иронически, его имя часто использовалось «в сниженно-полемических целях»;²¹ в заметке 1836 года Гоголь упоминает, что над этим писателем «очень любят подшучивать петербургские журналисты» (8, 200). Такое отношение отразилось в гоголевской повести «Невский проспект»: поручик Пирогов и подобные ему господа «хвалят Булгарина, Пушкина и Греча и говорят с презрением и остроумными колкостями об А. А. Орлове» (3, 35).

В 1831 году Орлов попал в эпицентр борьбы «литературных партий», выпустив ряд произведений, в которых пародировал романы Булгарина «Иван Выжигин» (1829) и «Петр Иванович Выжигин» (1831). Уже своими названиями («Смерть Ивана Выжигина», «Хлыновские свадьбы Игната и Сидора, детей Ивана Выжигина» и др.) его пародии отсылают непосредственно к булгаринским текстам. Главные герои книг Орлова — сами Иван и Петр Выжигины

¹³ См.: Манн Ю. В. Гоголь. Труды и дни. С. 223–228.

¹⁴ Акимова Н. Н. Булгарин и Гоголь. С. 15.

¹⁵ Там же; см. также: Якубович Л. [Рец. на:] Вечера на хуторе близ Диканьки. С. 623.

¹⁶ Манн Ю. В. Гоголь. Труды и дни. С. 225.

¹⁷ Косичкин Ф. [Пушкин А. С.]. Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов // Телескоп. 1831. Ч. IV. № 13. С. 135–144.

¹⁸ Греч Н. И. Литературные замечания // Сын отечества и Северный архив. 1831. Т. XXI. № 27. Смесь. С. 59–68.

¹⁹ Корнеев А. В. Орлов Александр Анфимович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 446–447.

²⁰ Корнеев А. Оправданный Александр Орлов // Встречи с книгой. М., 1984. Вып. 2. С. 248.

²¹ Корнеев А. В. Орлов Александр Анфимович. С. 447–448.

или их «родственники», «изобретенные» автором.²² Орлов «довел до абсурда некоторые художественные приемы» Булгарина и использовал намеки на личные обстоятельства его жизни.²³ При этом писатель в значительной мере опирался на антибулгаринские выступления «Молвы» и «Телескопа»: на страницах этих изданий Надеждин сравнивал вновь выходявшие книги Орлова с «истинными» «Выжигиными» и своими «положительными» отзывами подталкивал плодovitого беллетриста «к созданию новых произведений о потомстве „сына Ваньки Каина“». ²⁴ В № 9 «Телескопа» за 1831 год Надеждин опубликовал ироническую рецензию на «Петра Выжигина», в которой романы Булгарина сопоставил с пародиями Орлова.²⁵ Для Булгарина это было тем более оскорбительным, что «Северная пчела» ранее отзывалась об Орлове крайне пренебрежительно.²⁶ За Булгарина вступился Греч, поместив в «Сыне отечества» возмущенный отклик на заметку Надеждина: «...взяли две глупейшие <...> книжонки, сочиненные каким-то А. Орловым, и выписки из них смешали с выдержками из романа Булгарина, приправили все это самыми площадными и низкими ругательствами...». ²⁷ Своего «товарища» Греч характеризовал как человека, в чьем «мизинце более ума и таланта, нежели во многих головах рецензентов». ²⁸ Пушкин ответил на статью Греча знаменитыми памфлетами «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов» и «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем», напечатанными в «Телескопе» под именем Феофилакта Косичкина.²⁹ С первым из них Гоголь познакомился еще до его публикации: в письме от 25 августа 1831 года Пушкин известил Гоголя, что «статья Ф<еофилакта> Косичкина еще не явилась»;³⁰ в это время Гоголь уже знал, кто скрывается за этим псевдонимом, что говорит «о степени литературного доверия» к нему автора.³¹

Пушкинский памфлет построен по принципу «притворной защиты, ложного восхваления, повторенного троекратно»: ³² восхваляется «дружба» двух литераторов, Булгарина и Греча, подающих пример «согласия, основанного на взаимном уважении, сходстве душ и занятий гражданских и литературных»; ³³ восхваляется Булгарин, «сей великий писатель, равно почтенный и дарованиями и характером»; ³⁴ восхваляется и Орлов³⁵ — и тут ирония достигает «высшей точки». ³⁶ Пушкин в пародийной манере обращает против своего оппонента Греча его собственные методы аргументации и развертывает «ироническую защиту Орлова», доказывая, что он «ничуть не хуже

²² См.: Штридтер Ю. Плутовской роман в России. К истории русского романа до Гоголя. М., 2015. С. 204.

²³ Березкина С. В. А. А. Орлов и антибулгаринская борьба 1830–1833 гг. // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1987. Вып. 21. С. 183, 185.

²⁴ Там же. С. 183.

²⁵ Телескоп. 1831. Ч. III. № 9. Библиография. С. 100–110.

²⁶ См.: Северная пчела. 1831. 26 фев. № 46. Новые книги. С. 1–2.

²⁷ Греч Н. И. Литературные замечания. С. 61–62.

²⁸ Там же. С. 68.

²⁹ Косичкин Ф. [Пушкин А. С.]. 1) Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов; 2) Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем // Телескоп. 1831. Ч. IV. № 15. С. 412–418.

³⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 215; см. также: Пушкин в печати, 1814–1837: Хронологический указатель произведений Пушкина, напечатанных при его жизни. М., 1938. Вып. 1. С. 91, № 810; Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 3. С. 377.

³¹ Золотусский И. П. Гоголь. С. 123–124.

³² Манн Ю. В. Гоголь. Труды и дни. С. 226.

³³ Косичкин Ф. [Пушкин А. С.]. Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов. С. 135, 137.

³⁴ Там же. С. 139.

³⁵ Там же. С. 139–140.

³⁶ Манн Ю. В. Гоголь. Труды и дни. С. 226.

Булгарина»,³⁷ для чего сравнивает между собой «сии два блистательные солнца» российской словесности: «*Фаддей Венед.* превышает *Александра Анфимовича* пленительною щеголеватостию выражений; *Александр Анф.* берет преимущество над *Фад. Венедиктовичем* живостию и острою рассказа. <...> *Фаддей Венед.* более философ; *Александр Анф.* более поэт».³⁸

Гоголь в письме Пушкину предлагает «проект» собственного антибулгаринского памфлета, задуманного как продолжение и развитие пушкинских тем и приемов. В частности, он намечает свой вариант «сравнительной критики» Орлова и Булгарина,³⁹ вслед за Пушкиным травестируя принципы построения «Параллельных жизнеописаний» Плутарха;⁴⁰ позднее эта модель ляжет в основу сопоставления Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича в повести о ссоре.⁴¹

По мнению В. В. Виноградова, избранный Пушкиным авторский образ был создан «с пародийным кивком» в сторону «публицистической манеры» Надеждина, но не его одного: стиль Феофилакта Косичкина явился «своеобразным собирательным стилистическим портретом»; «в нем можно найти отзвуки стиля и других критиков враждебного Пушкину лагеря, например, Ф. Булгарина».⁴²

То же можно сказать о стилистической манере гоголевского «этюда», впитавшего в себя и преломившего в зеркале иронии, пародии, тонкой и остроумной игры различные «течения» литературного процесса, множество «витавших в воздухе» идей и «голосов». Чтобы убедиться в этом, попытаемся выявить и истолковать конкретные аллюзии на явления литературной жизни того времени, содержащиеся в письме.

К числу явных отсылок принадлежит, например, не вполне точно процитированный Гоголем отрывок из предисловия Орлова к очередной его пародии на романы Булгарина, названной «Церемониал погребения Ивана Выжигина, сына Ваньки Каина»:⁴³ «Много, премного у меня романов в голове <...>, только все они сидят еще в голове; да такие бойкие ребятишки эти романы, так и прыгают из головы. Но нет, не пуцу до время; а после извольте, полдюжинами буду поставлять. Извольте! извольте! Ох вы, мои други сердечные! Народец православный!» (10, 203).⁴⁴ Приведя эти слова, Гоголь с иронией замечает: «Последнее обращение так и задевает за сердце русский народ. Это совершенно в его духе, и здесь-то не шутя решительный перевес Александра Анф<имовича> над Фадеем Бенедик<товичем>» (10, 203).

Очевидно, продолжая здесь пушкинское ироническое сопоставление Орлова и Булгарина, Гоголь воспроизводит его форму (ср.: «*Фаддей Венед.* превышает *Александра Анфимовича* пленительною щеголеватостию выражений»

³⁷ Там же.

³⁸ Косичкин Ф. [Пушкин А. С.]. Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов. С. 139.

³⁹ Золотусский И. П. Гоголь. С. 123–124.

⁴⁰ Манн Ю. В. Гоголь. Труды и дни. С. 228.

⁴¹ См.: Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М., 1941. С. 508–509; Гуковский Г. А. Реализм Гоголя. Л., 1959. С. 131.

⁴² Виноградов В. В. Стиль Пушкина. С. 506–507.

⁴³ Орлов А. А. Церемониал погребения Ивана Выжигина, сына Ваньки Каина. М., 1831; цenz. разр. 8 мая 1831 года.

⁴⁴ Ср. в оригинале: «Много-премного романов, только еще они сидят у меня в голове; да такие бойкие ребятишки эти романы, так из головы и прыгают; но нет; я до время не пуцу. — Когда прикажете вы, господа читатели; то я по дюжинам стану их высылать. Извольте, извольте! ох! вы други мои сердечные! народец православной!» (Там же. С. VII). Этот же отрывок цитируется (точно по тексту издания) в сообщении о выходе книги, напечатанном в майском номере «Московского телеграфа», со следующим комментарием: «Кажется, еще никто так не обращался с публикою, как г. Орлов» (Московский телеграф. 1831. Ч. 39. № 10. Современная библиография. С. 240–241).

и т. д.), но «придумывает новые аспекты», в частности «высмеивает усиленную апелляцию» самого Булгарина и его подражателя «к православным чувствам народа». ⁴⁵ Успеху Орлова на этом поприще способствовали его происхождение и образование. Булгарин же в 1820–1830-х годах воспринимался русскими современниками как «поляк примерный», «патриотический предатель». ⁴⁶ Показателен отзыв А. А. Дельвига о романе Булгарина «Дмитрий Самозванец»: «...мы извиним в нем повсюду выказывающееся, пристрастное предпочтение народа польского перед русским. <...> Нам приятно видеть в г. Булгарине поляка, ставящего выше всего свою нацию; но чувство патриотизма заразительно, и мы бы еще с большим удовольствием прочли повесть о тех временах, сочиненную писателем русским». ⁴⁷ Этот взгляд подкреплялся тем, что Булгарин «не перешел в православие и остался католиком». ⁴⁸

В более широком понимании замечание Гоголя направлено против характерного для сочинений Орлова воплощения народности в виде «смеси литературной безграмотности, дешевого балагурства и примитивного патриотизма», «народности площадной». ⁴⁹ В глазах Гоголя «решительный перевес Александра Анф<имовича>» на этой ниве, вероятно, был связан с теми особенностями его языка, которые осуждал и сам Булгарин, ратовавший за чистоту вкуса, приличие и чувство меры в передаче народной речи и быта. ⁵⁰

Несколько отступая от основной темы, Гоголь мимоходом касается еще одной весьма типичной литературной «распри» современников и рассматривает ее также сквозь призму пушкинских симпатий и интересов. Речь идет о вражде двух издателей, М. А. Бестужева-Рюмина (1798–1832) ⁵¹ и А. Ф. Воейкова (1778 или 1779 — 1839): ⁵² «...приятель наш Бестужев-Рюмин здравствует и недавно еще сказал в своей газете: „Должно признаться, что Север<ный> Меркурий побойче таки иных Литератур<ных> Прибавлений“. Как-то теперь должен беситься Воейков! а он, я думаю, воображал, что бойче Литер. Прибавлений нет ничего на свете» (10, 203).

Как известно, издаваемый Бестужевым-Рюминым «Северный Меркурий» вел непримиримую полемику с «Литературными прибавлениями к „Русскому инвалиду“» Воейкова. По свидетельству В. П. Бурнашева, «листок» Бестужева-Рюмина «отличался чрезмерною резкостью мнений» и «злыми и остроумными статейками в стихах и прозе», где «доставалось» не только Воейкову, но и Гречу, Булгарину, Полевому: ⁵³ «...едкие эпиграммы этого листка частенько очень сердили аристократов нашей журналистики <...> Воейков в своих „Литературных Прибавлениях“ сильно ратовал против Бестужева-Рюмина, упрекая его в пьянстве. В ответ на это следовали колкие, но цинич-

⁴⁵ *Рейтблат А. И.* Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции: Статьи и материалы. М., 2016. С. 136.

⁴⁶ *Грот К. Я.* Несколько писем кн. П. А. Вяземского к П. А. Плетневу // Известия Отд. русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1897. Т. II. Кн. 1. С. 95; см. также: *Рейтблат А. И.* Фаддей Венедиктович Булгарин. С. 112.

⁴⁷ Литературная газета. 1830. 7 марта. № 14. С. 113.

⁴⁸ *Рейтблат А. И.* Фаддей Венедиктович Булгарин. С. 120.

⁴⁹ *Мани Ю. В.* Гоголь. Труды и дни. С. 225.

⁵⁰ См. подробнее: *Рейтблат А. И.* Литературно-критические взгляды Ф. В. Булгарина // Ф. В. Булгарин — писатель, журналист, театральный критик. М., 2019. С. 113, 116.

⁵¹ См.: *Вацуро В. Э.* Бестужев-Рюмин Михаил Алексеевич // Русские писатели. 1800–1917. Т. 1. С. 261.

⁵² См.: *Песков А. М.* Воейков Александр Федорович // Там же. С. 456–457.

⁵³ *Петербургский старожил В. Б.* [Бурнашев В. П.]. Мое знакомство с Воейковым в 1830 году и его пятничные литературные собрания // Русский вестник. 1871. Т. 95. № 9. С. 252.

ные ответы в „Северном Меркурии“». ⁵⁴ Вражда журналистов, вспыхнувшая «на почве личных счетов», ⁵⁵ постепенно разгоралась. ⁵⁶

Конкретный выпад Бестужева-Рюмина в адрес противника, который имеет в виду Гоголь, говоря о состязании двух газет в «бойкости», заключен в заметке «Нечто вроде Хамелеонистики», автор которой «без хвастовства» утверждает, что «Северный Меркурий» «держит в когтях своих периодические издания» и «побойчее *Лит. Приб. к Р. И.*». ⁵⁷ Однако газета Воейкова, имевшего репутацию литературного «корсара» и «разбойника», обладавшего незаурядным полемическим даром, также претендовала на «бойкость» определенного рода. ⁵⁸ По крайней мере, на «укол» в свой адрес со стороны «Северного Меркурия» «Литературные прибавления...» ответили сатирической сценой, озаглавленной «Без хвастовства сказать! (Разговор о русских журналистах)», вышедшей в свет в октябре 1831 года, т. е. уже после отправки Гоголем письма. ⁵⁹

Гоголь иронически называет Бестужева-Рюмина «наш приятель», вероятно желая показать, что разделяет отношение к нему своего корреспондента: Бестужев-Рюмин до определенного момента критиковал литературную позицию и сочинения Пушкина, в альманахе «Северная звезда» (1829) без разрешения напечатал ряд пушкинских стихотворений, не указав имени автора; ⁶⁰ в свою очередь Пушкин вывел Бестужева-Рюмина под именем Бесстыдина в памфлете «Альманашник» (1830–1831, опубл. 1857), где отразились «индивидуальные черты» журналиста, в частности его пристрастие к спиртному. ⁶¹ При этом в «Альманашнике» Пушкиным уже была намечена идея «уравнивания» Булгарина и Орлова: «...написать Выжигина не штука; пожалуй я вам в четыре месяца отхватаю 4 тома, не хуже Орлова и Булгарина...». ⁶²

Возвращаясь к ироническому сопоставлению другой пары «оппонентов», Булгарина и Орлова, Гоголь с мнимой серьезностью предлагает провести «эстетический разбор» их произведений, упомянутых в памфлете Пушкина: исторического романа Булгарина «Петр Иванович Выжигин» (СПб., 1831) и сочинения Орлова «Сокол был бы сокол, да курица его съела, или Бежавшая жена» (М., 1831): ⁶³ «Начать таким образом, как теперь начинают у нас в журналах: „Наконец, кажется, пришло то время, когда романтизм решительно восторжествовал над классицизмом, и старые сборники франц<узского> корана на ходульных ножках (что-нибудь в роде Надеждина), убрались к чорту. В Англии Байрон, во Франции необъятный великостью своею Виктор Гюго, Дюканж и другие, в каком-нибудь проявлении объективной жизни, воспроизвели новый мир ее нераздельно-индивидуальных явлений“» (10, 203–204).

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней): В 6 т. СПб., 1892. Т. 3. С. 214.

⁵⁶ Возможно, отголоском этой вражды в гоголевском творчестве стала ссора Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем, развивающаяся по такой же схеме.

⁵⁷ Северный Меркурий. 1831. 26 июня. № 76. Смесь. С. 308; ценз. разр. 10 августа 1831 года.

⁵⁸ Песков А. М. Воейков Александр Федорович. С. 457.

⁵⁹ Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1831. Ч. IV. 10 окт. № 81, 82. Пересмешник. С. 633–636; подп.: А. Кораблинский; ценз. разр. 2 октября 1831 года.

⁶⁰ См.: *Рейтблат А. И.* Булгарин и вокруг. 4. Неудавшийся Булгарин (М. А. Бестужев-Рюмин и его отношения с Ф. В. Булгариным) // Литературный факт. 2017. № 6. С. 229–239.

⁶¹ Черейский Л. А. Бестужев-Рюмин М. А. // Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1989. С. 38; см. также: Левкович Я. Л. К истории статьи Пушкина «Альманашник» // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1956. Т. 1. С. 272–275; Вацуро В. Э. Бестужев-Рюмин Михаил Алексеевич. С. 262.

⁶² Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 133.

⁶³ Отзыв о нем см.: Северный Меркурий. 1831. 6 фев. № 16. С. 67–68.

Надевая маску журнального критика, Гоголь насыщает текст лексикой, характерной для полемики того времени. При этом он использует намеченный Пушкиным прием и ставит героев своего «памфлета» в один ряд «с самыми крупными фигурами европейского романтизма», французской «неистойвой словесности», приравнивает Булгарина к Байрону и Гюго, «ненавязчиво, почти незаметно» втягивая в сферу своей иронической игры самые разные литературные факты и события.⁶⁴

В частности, фразы о «проявлении объективной жизни» и «новом мире» ее «нераздельно-индивидуальных явлений» имитируют «споры о романтизме и классицизме, о новой поэзии», «в которых одним из застрельщиков был Надеждин»,⁶⁵ чье имя, словно бы мимоходом упомянутое, фигурирует здесь не случайно. В статье Надеждина «Литературные опасения за будущий год» диспут подобного рода ведут поэт-романтик Тленский и экс-студент Никодим Надоумко. Рассуждая о соотношении общего и частного в жизни и поэзии, они говорят о «необъемлемой целостности» природы с ее «бесконечно-разнообразными явлениями», о задаче поэта подвести ее «беспредельную полноту» «под один всеобъемлющий пункт зрения», о цели искусства — уловить и выразить «таинственные отголоски <...> вечной гармонии», воплощенной «во всех неисчислимых явлениях дольного мира».⁶⁶ Тут же заходит речь о «гении», стряхнувшем «с себя ржавые оковы <...> классического педантизма», о «новом мире»: «...не стыдно ли тебе так далеко отстать от своего века и перетряхивать на бездельи старинную труху, тогда как под носом у тебя развивается новый мир чудес дивных, неслыханных, небывалых?..» — укоряет собеседника Тленский.⁶⁷

Под «французским кораном» Гоголь в своем «эстетическом разборе» имеет в виду поэму Н. Буало «Поэтическое искусство» — именно так, по свидетельству П. А. Вяземского, ее называл Пушкин.⁶⁸ Это же обозначение использовано в пушкинском наброске «О поэзии классической и романтической» (1825): «Буало обнаружил свой Коран — и фр<анцузская> слов<есность> ему покорилась».⁶⁹ Оно, по всей видимости, стало стереотипным в современной Гоголю критике и теории. Так, автор заметки в «Московском телеграфе» за февраль 1828 года отмечал: «...творения Буало почитаются <...>, как турками Алкоран Мугаммеда»;⁷⁰ в «Литературных опасениях за будущий год» Тленский восклицает: «Слава богу! времена деспотизма Аристотелей и Буало — сих Магометов литературного мира — прошли уже».⁷¹

От рассуждений «эстетического» свойства Гоголь переходит к пародийному панегирику российской власти: «Россия, мудрости правления которой дивятся все образованные народы Европы, и проч., и проч., не могла оставаться также в одном положении» (10, 204). Подобные сентенции нередко использовали участники литературных баталий для отстаивания собственной позиции. Не был исключением и Надеждин, в рецензии на диссертацию которого Н. А. Полевой отмечал, что российским «классикам» непременно «надобно как можно надутее заговорить о славе России вообще, о возвышении нашем над всеми народами, о величии предков...».⁷² Риторика такого рода характерна и для булгаринских текстов, публицистических и художественных. В част-

⁶⁴ Манн Ю. В. Гоголь. Труды и дни. С. 227.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Надеждин Н. И. Литературные опасения за будущий год // Вестник Европы. 1828. № 21. Ноябрь. С. 17–18.

⁶⁷ Там же. С. 10–11.

⁶⁸ Московский телеграф. 1827. Ч. 14. № 7. Критика. С. 193–194.

⁶⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 38.

⁷⁰ Московский телеграф. 1828. № 4. Февраль. С. 580.

⁷¹ Надеждин Н. И. Литературные опасения за будущий год. С. 14.

⁷² Московский телеграф. 1830. Ч. 33. № 10. Май. Современная библиография. С. 227–228.

ности, схожие «формулы официально-патриотического мышления»⁷³ нередко встречаются в предисловиях к сочинениям Булгарина. См., например: «Наше мудрое правительство печется о просвещении, о водворении нравственности <...> Благонамеренные люди всех сословий чувствуют в полной мере великодушные намерения мудрых наших государей...».⁷⁴ Полевой не зря изобразил Булгарина в виде литератора Патриот<ова>.⁷⁵

Назвав Орлова и Булгарина представителями «преображенного величия» России, Гоголь проводит парадоксальную параллель между Булгариным и Байроном: «На одном из них, т. е. на Булгарине, означено направление чисто Байронское (ведь это мысль не дурна сравнить Булгарина с Байроном). Та же гордость, та же буря сильных, непокорных страстей, резко означившая огненный и вместе мрачный характер британского поэта, видна и на нашем соотечественнике; то же самоотвержение, презрение всего низкого и подлого принадлежит им обоим. Самая даже жизнь Булгарина есть больше ничего, как повторение жизни Байрона; в самых даже портретах их заметно необыкновенное сходство» (10, 204).

Это «сопоставление» (по сути — противопоставление) Булгарина и Байрона производит «оглушительный» эффект острого контраста,⁷⁶ «смертельно для автора „Выжигина“».⁷⁷ При этом Гоголь «сталкивает» представления о Булгарине и Байроне, сложившиеся в кругу литераторов, близких Пушкину. В этой среде первый имел репутацию «переметчика», «Видока», «торгаша», автора безжизненных и «скучных» романов, мстительного критика «зоила».⁷⁸ Что же касается Байрона, его личность воспринималась в свете созданных им поэтических образов и отождествлялась с героями его собственных произведений.⁷⁹ Так, Пушкин полагал, что «мрачный Байрон», «гордости поэт», в своем творчестве представил «призрак себя самого», «постиг, создал и описал» свой характер;⁸⁰ см. также замечание самого Гоголя о байроновской «мрачной душе» в заметке «О поэзии Козлова» (8, 153). Подобный взгляд выражен и в статье В. Гюго, опубликованной в 1830 году в «Литературной газете»: «По мрачности своего гения, по гордости характера, по бурям жизни своей, лорд Байрон есть отпечаток того рода поэзии, которого был он толмачом. Все его творения носят глубоко врезанную печать его личности. В каждой его поэме перед глазами читателя мелькает, как сквозь траурный флер, какое-то мрачное и высокомерное лицо».⁸¹ Очевидно, гоголевская характеристика Байрона согласуется с подобными суждениями вплоть до словесных совпадений.

Немаловажен еще и тот факт, что с Байроном постоянно сравнивали Пушкина.⁸² Прибег к такой аналогии и Булгарин в заметке о VII главе «Евгения

⁷³ Манн Ю. В. Гоголь. Труды и дни. С. 228.

⁷⁴ Булгарин Ф. В. Иван Выжигин: Нравственно-сатирический роман: В 4 ч. 3-е изд., испр. СПб., 1830. Ч. 1. С. XIV; см. также: Булгарин Ф. В. Петр Иванович Выжигин: Нравоописательный-исторический роман XIX века: В 4 ч. 2-е изд. СПб., 1834. Ч. 1. С. XI–XII.

⁷⁵ См.: Беседа у молодого литератора // Новый живописец общества и литературы (прибавление к «Московскому телеграфу»). 1831. № 21. Ноябрь. С. 358.

⁷⁶ Манн Ю. В. Гоголь. Труды и дни. С. 228.

⁷⁷ Золотусский И. П. Гоголь. С. 124.

⁷⁸ Рейтблат А. И. Фаддей Венедиктович Булгарин. С. 22–25.

⁷⁹ Жирмунский В. М. Пушкин и западные литературы // Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1937. Вып. 3. С. 73–74.

⁸⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 51; Т. 6. С. 29, 527.

⁸¹ Гюго В. О Байроне и его отношениях к новейшей литературе // Литературная газета. 1830. 15 июня. № 34. С. 274; перевел с французского соученик Гоголя по Нежинской гимназии В. И. Любич-Романович.

⁸² О высказываниях Д. В. Веневитинова, Н. А. Полевого и И. В. Киреевского на эту тему см.: Стратен В. В. Веневитинов — критик Пушкина // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Л., 1930. Вып. 38/39. С. 228–236.

Онегина»: «Автор часто говорит о себе, о своей скуке, *томленье*, о своей мертвой душе <...> Великий Байрон уж так утомил нас всеми этими выходками, что мы сами чувствуем невольное *томленье*...».⁸³ Возможно, пассаж Голя был своеобразным ответом на этот выпад.

Еще одним объектом гоголевской иронии могло стать пристрастие Булгарина оценивать «заслуги отечественных литераторов», включая собственные, прибегая к громким «заморским именам», в первую очередь — Вальтер-Скотта и Байрона.⁸⁴ Ему случалось проводить не слишком завуалированные параллели между самим собой и такими фигурами, как Сократ, Мильтон, Фонвизин, Крылов и др.⁸⁵ Позднее в черновой редакции статьи «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» Гоголь отметил, что Булгарин, Греч и Сенковский в собственных журналах хвалят свои романы следующим образом: «...автор выше Вальтер Скотта, Гумбольта, Гете, Байрона...» (8, 532).

В гоголевских словах о портретах Булгарина и Байрона также скрыты намеки на реальные обстоятельства. Гравированный портрет Булгарина в 1828 году был помещен в третьем томе его «Сочинений».⁸⁶ В те годы это свидетельствовало о претензиях автора на статус живого классика,⁸⁷ поэтому Булгарин, опасаясь критики, в предисловии оправдал свой поступок пожеланиями публики и книгопродавца И. В. Сленина.⁸⁸ Впоследствии этот болгаринский портрет неоднократно перепечатывался. Также были доступны и широко распространены в России «всевозможные портреты Байрона»;⁸⁹ в частности, они публиковались в изданиях его произведений и посвященных ему сочинений, журналах и альманахах;⁹⁰ портреты приобретали за границей, нередко преподносили друзьям.⁹¹ Упоминание о «необыкновенном» внешнем сходстве Булгарина и Байрона, заметном в их портретах, могло иметь конкретный источник, неизвестный нам, однако не исключено, что идея принадлежала самому Гоголю. По крайней мере, он снова обыграл ее в письме М. П. Погодину от 11 января 1834 года (10, 293).

Далее Гоголь предлагает рассматривать героев болгаринского романа, Наполеона и Петра Ивановича Выжигина, «как чистое создание самого поэта», но при этом вооружиться «очками строгого рецензента», т. е. приводить места, «каких, само по себе разумеется, не бывало в романе», присовокупляя: «Почему вы, г. Булгарин, заставили Петра Ивановича открыться в любви так рано такой-то, или почему не продолжили разговора Петра Ивановича с Наполеоном, или зачем в самом месте развязки впутали поляка (можно придумать ему и фамилию даже)?»; все это для того, «чтобы читатели видели совершенное беспристрастие критика» (10, 204).

⁸³ Северная пчела. 1830. 22 марта. № 35. С. 2.

⁸⁴ Кузовкина Т. «Лишь Сенковского толкнешь иль в Булгарина наступишь», или Кто был автором рецензии на второе издание «Вечеров на хуторе близ Диканьки» // Русская филология: Сб. работ молодых филологов. Тарту, 1997. Вып. 8. С. 89.

⁸⁵ Булгарин Ф. В. 1) Петр Иванович Выжигин. 2-е изд. Ч. 1. С. VI, IX; 2) Димитрий Самозванец: В 4 ч. 2-е изд., испр. СПб., 1830. Ч. 1. С. XII; 3) Соч.: В 12 ч. 2-е изд., испр. СПб., 1830. Ч. 1. С. XII.

⁸⁶ Булгарин Ф. В. Соч.: В 5 т. СПб., 1828. Т. 3. Ч. 5.

⁸⁷ См.: Балакин А. Ю. Булгарин — персонаж «Дома сумасшедших» А. Ф. Воейкова // Ф. В. Булгарин — писатель, журналист, театральный критик. С. 214.

⁸⁸ Булгарин Ф. В. Послание к читающей публике (Вместо предисловия) // Булгарин Ф. В. Соч.: В 5 т. Т. 3. Ч. 5. С. XIV–XIX.

⁸⁹ Алексеев М. П. Автографы Байрона в СССР // Лит. наследство. 1952. Т. 58. С. 995.

⁹⁰ См., например: Выбор из сочинений лорда Байрона, переведенных с французского / Изд. М. Каченовский. М., 1821; Вестник Европы. 1822. № 17; Мнемозина. 1824. Ч. 3; Кюхельбекер В. Смерть Байрона. М., 1824.

⁹¹ См.: Алексеев М. П. Автографы Байрона в СССР. С. 963, 977.

Роман Булгарина «Петр Иванович Выжигин» в самом деле построен как «любовная история на фоне 1812 года». ⁹² Главный герой встречается с Наполеоном, причем по значению их фигуры «примерно равны», «как язвительно, но верно отмечала современная критика». ⁹³ В частности, об этом писал один из «строгих рецензентов» Полевой: «...весь 1812-й год вмещен в роман, со всеми его ужасами и чудесами <...> и эти чудеса истории перепутаны с мелкими приключениями двух любовников. От сего являются в романе два главные героя: *Наполеон* и *Петр Иванович Выжигин*! Они идут рука об руку, не могут расстаться и заставляют нас удивиться тому, как не усмотрел этой несообразности сочинитель!» ⁹⁴ Возможно, упоминая Наполеона, Гоголь намекает также на то, что личность полководца имела огромное значение для Булгарина (прежде всего, в биографическом отношении, а также в литературном и идеологическом), ⁹⁵ и тем самым составляет еще одну комичную контрастную пару: Булгарин — Наполеон. Впоследствии, применив этот же прием парадоксального сопоставления несопоставимых фигур, неоднократно реализованный в письме Пушкину, Гоголь связал имя французского императора с образом Чичикова.

В приведенной пародии на «критику» «строгий рецензент» высказывает лишённые смысла замечания и задает надуманные вопросы, касающиеся конкретных эпизодов романа (объяснения Петра Выжигина с возлюбленной, его разговора с Наполеоном, спасения из французского плена поляком — второстепенным персонажем, наделенным, тем не менее, именем и фамилией). Подобные мелочные придирки были весьма характерны для литературной критики гоголевского времени. В частности, претензии такого рода нередко предъявлялись Пушкину (см. его «Опровержение на критики»), ⁹⁶ причем не обходилось и без искажений авторского замысла, «грубых передержек» ⁹⁷ — как, например, в заметке Булгарина о VII главе «Евгения Онегина». ⁹⁸ Видимо, на такие искажения и намекает Гоголь в письме. Однако это не мешало Булгарину убеждать читателей в своем «беспристрастии». Все сказанное вполне согласуется с гоголевским шаржем.

В завершение Гоголь формулирует «самый главный» тезис: «...нужно соглашаться с жалобами журналистов наших, что действительно литературу нашу раздирает дух партий ужасным образом, и оттого никак нельзя подслушать справедливого суждения. Все мнения разделены на две стороны: одни на стороне Булгарина, а другие на стороне Орлова, и что они, между тем как их приверженцы нападают с таким ожесточением друг на друга, совершенно не знают между собою никакой вражды и внутренно, подобно всем великим гениям, уважают друг друга» (10, 204–205).

По всей видимости, эти слова отсылают прежде всего к началу пушкинского памфлета «Торжество дружбы...», в котором речь идет о «раздирающей» «бедную» российскую словесность полемике, посреди которой лишь Греч и Булгарин «подают утешительный пример согласия, основанного на взаимном уважении». ⁹⁹ Гоголевское сожаление об отсутствии в критике «справедливых суждений» вторит жалобам на «цинизм» и «недобросовестность»

⁹² Штридтер Ю. Плутовской роман в России. С. 203.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Московский телеграф. 1831. Ч. 38. № 6. Март. С. 234.

⁹⁵ См. подробнее: Рейтлат А. И. Фаддей Венедиктович Булгарин. С. 167.

⁹⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 143–163.

⁹⁷ Гиппиус В. В. Пушкин в борьбе с Булгариным в 1830–1831 гг. // Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. Вып. 6. С. 238.

⁹⁸ Северная пчела. 1830. 1 апр. № 39. С. 2.

⁹⁹ Косичкин Ф. [Пушкин А. С.]. Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов. С. 135.

рецензентов, звучащим в зачине статьи Греча,¹⁰⁰ на которую ответил своим памфлетом Пушкин. Однако сетования на предвзятость критики, подчиненной «духу партий», и ранее наполняли страницы российских периодических изданий. В частности, о бесконечных «журнальных войнах», не оставляющих места для непредвзятых суждений, с сожалением писал О. М. Сомов в «Обзоре российской словесности за 1827 год»: «Часто не одни журналисты, но их приятели и даже знакомые литераторы подвергаются преследованиям, намекам и привязкам противной стороны. Беспристрастие редко бывает девизом в этой войне: ищут придирок, а не истины...».¹⁰¹ Дословными совпадениями с пушкинским и гоголевским текстами примечательна рецензия на романы Булгарина и Загоскина, помещенная в № 11 «Телескопа» за 1831 год; ее автор уверяет читателей, что «нелицеприятен»: «...я не имею чести принадлежать <...> ни к одной из партий, раздирающих нашу бедную словесность».¹⁰² Так же характеризует себя в «Письме к издателю „Московского вестника“» С. Т. Аксаков: он представляется «человеком, не принадлежащим ни к одной из партий, разделяющих на разные приходы нашу отечественную словесность».¹⁰³

Однако пальму первенства в отношении подобных заявлений удерживала издаваемая Гречем и Булгариным «Северная пчела», в которой критику заменяла, по выражению Шевырева, «литературная тактика».¹⁰⁴ Излюбленный «тактический» прием Булгарина состоял именно в жалобах на предвзятость и следование «партийным» интересам тех представителей литературного цеха, которые осмеливались выступать с негативной оценкой его собственных сочинений.¹⁰⁵ В качестве примера можно привести сообщение «Северной пчелы» о выходе романа Булгарина «Димитрий Самозванец»: «Дух литературных партий <...> и положение г. Булгарина, как журналиста и читаемого автора, лишают его удовольствия выслушать в России печатный справедливый приговор своим трудам».¹⁰⁶

Гоголь, иронически соглашаясь в своей пародии с такого рода жалобами на засилье «духа партий», возможно, имеет в виду, в числе прочих, Булгарина, чьи рецензии наполнены аналогичными lamentациями.¹⁰⁷ В 1830–1831 годах Булгарин прибегал к ним как к средству борьбы с «Литературной газетой». Последняя, в свою очередь, опубликовала статью Вяземского «О духе партий; о литературной аристократии», в которой утверждалось, что «две главные партии» российской словесности — это «литераторы с талантом» и «литераторы бесталанные».¹⁰⁸

Можно было бы привести еще немало примеров «точных попаданий» гоголевской пародии в цель: в «общие места» современной критики, в те искоженные дорожки, по которым без конца двигалась мысль газетных поле-

¹⁰⁰ Греч Н. И. Литературные замечания. С. 61.

¹⁰¹ Сомов О. М. Обзор российской словесности за 1827 год // Северные цветы на 1828 год. СПб., 1827. С. 51–52.

¹⁰² М. П. И. Выжигин и Рославлев. Несколько замечаний // Телескоп. 1831. Ч. III. № 11. С. 373.

¹⁰³ А. [Аксаков С. Т.]. Письмо к издателю Московского вестника // Московский вестник. 1830. Ч. II. № 6. С. 201–202.

¹⁰⁴ [Шевырев С. П.]. Обзорение литературных русских журналов (Продолжение). Северная пчела // Московский вестник. 1828. Ч. VIII. № 8. Критика. С. 405.

¹⁰⁵ См. об этом: Кузовкина Т. Феномен Булгарина: Проблема литературной тактики. Тарту, 2007. С. 65.

¹⁰⁶ [Рец. на:] Димитрий Самозванец, исторический роман. Сочинение Фаддея Булгарина // Северная пчела. 1830. 20 фев. № 22. Новые книги. С. 1; подп.: Сотрудник Сев. пчелы.

¹⁰⁷ См., например: Северная пчела. 1830. 15 марта. № 32. Новые книги; 1831. 21 фев. № 42. Новые книги.

¹⁰⁸ Литературная газета. 1830. 21 апр. Ч. I. № 23. С. 182.

мистов. Гоголь блестяще имитирует и в свете «убийственно тонкой»¹⁰⁹ иронии представляет самые типичные происшествия и тенденции литературного процесса, важнейшим участником которого являлся его адресат, чье одобрение он надеялся заслужить. Пушкин отреагировал так: «Проект Вашей ученой критики удивительно хорош. Но Вы слишком ленивы, чтоб привести его в действие».¹¹⁰ Несмотря на положительную оценку, в этом ответе звучит некоторая сдержанность. Пушкин, возможно, понимал, что гоголевский «проект» не будет реализован, либо не желал этого. Тем не менее в наброске Гоголя обнаруживается замечательная черта его творческого дарования, позднее в полной мере раскрывшаяся в художественных произведениях, — способность улавливать и точными штрихами изображать в комическом ключе характерные, сущностные черты жизненных явлений, добываясь тем самым обобщенности и узнаваемости образов.

¹⁰⁹ Манн Ю. В. Гоголь. Труды и дни. С. 226.

¹¹⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 215 (письмо от 25 августа 1831 года).

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-4-29-37

© Л. В. ДЕРЮГИНА

«ТЕПЕРЬ Я ЖИВУ В ДЕРЕВНЕ, СОВЕРШЕННО ТАКОЙ, КАКАЯ ОПИСАНА НЕЗАБВЕННЫМ КАРАМЗИНЫМ» (К ТЕМЕ РУССКОГО ПОМЕЩИКА У Н. В. ГОГОЛЯ)

В недавнее время исследователи обратили внимание на литературный тип русского помещика в его новом, не сатирическом и не обличительном, а положительном осмыслении — в свете его «высокого предназначения, нравственной миссии, священного христианского долга»; место его определяется «не столько в общественной иерархии, сколько в целой системе мироустройства».¹ Тип этот отчасти прослеживается и в XVIII веке; а в XIX представлен у писателей первого ряда — Гончарова, Тургенева, Достоевского, Толстого и Чехова. Ближе к началу ряда — Гоголь с «Мертвыми душами» и письмом «Русской помещик» (1846) из «Выбранных мест...», собственно и задавшим последующее осмысление темы, а до него Карамзин, с «Письмом сельского жителя» (1803),² оказавшим признанное влияние на эту статью Гоголя.³ Обнаруживаются существенные аналогии между этими произведениями Карамзина и Гоголя; и важнейшая из них — то, что гоголевская статья проникнута «восходящей к „Письму сельского жителя“ и предваряющей толстовское „Утро помещика“ мыслью: быть помещиком над своими крестьянами повелел тебе Бог, и он взыщет с тебя, если б ты променял свое званье

¹ Сапченко Л. А. Русский помещик (к типологии литературного героя) // Н. В. Гоголь и русская литература: К 200-летию со дня рождения великого писателя. Материалы докладов Междунар. науч. конф., Москва, 1–5 апреля 2009 года «Девятые Гоголевские чтения». М., 2010. С. 120.

² Вестник Европы. 1803. № 17. С. 42–59; также: Карамзин Н. М. Соч.: В 8 т. М., 1804. Т. 8. С. 253–276.

³ См.: Сапченко Л. А. Значение главы «Карамзин» в «Выбранных местах из переписки с друзьями» // Гоголь как явление мировой литературы: Сб. статей по материалам междунар. науч. конф., посвящ. 150-летию со дня смерти Н. В. Гоголя / Под ред. Ю. В. Манна. М., 2003. С. 268–272.